

Листая «Книгу Памяти»: страничка о профессоре С.В. Никольском

На Круглом столе, посвященном памяти известного исследователя чешской литературы XX в. Сергея Васильевича Никольского, собралось много богемистов и было сделано немало докладов о его научном вкладе в эту область славистики. Мне не приходилось глубоко вникать в проблемы развития чешской литературы, и поэтому хотелось сказать о другом. Речь пойдет о жизни нашего Института и институтских литературоведов в далекие годы, о Сергее Васильевиче как руководителе научного коллектива исследователей литератур западных и южных славян, как научном редакторе и о некоторых его человеческих качествах. Эта «бытовая» сторона истории отечественной славистики обычно остается в тени, хотя она тесно переплетена с другими ее «официальными» сторонами и индивидуальными судьбами практически всех ученых. Поэтому рассказы представителей уходящего поколения об отдельных эпизодах «частной» жизни Института в прошлом важны сами по себе как исторические свидетельства очевидцев. Кроме того, они способны оживить и разбавить изобилие тех общих комплиментов, которые по традиции наполняют юбилейные статьи об ученых и раздаются на Круглых столах в их честь. Важны они и для представителей молодого поколения институтских славистов, хотя пока это ими не осознается: они еще не дожили до того возраста, когда человек отправляется на поиски утраченного времени.

Итак, я хотел бы в начале перенестись на полвека назад, когда в 1971 г. я приехал в Москву из далекого Баку для поступления в очную аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР и направился с необходимыми документами по указанному в вызове адресу: Москва, Трубниковский пер., д. 30а. Не зная, как выглядит здание Института, я пару раз проскочил мимо него, поскольку не мог представить себе, что этот неказистый двухэтажный, больше похожий на деревенский дом в садике за оградой и есть то академическое учреждение, в аспирантуру которого я готовился поступить. У меня были несколько иные представления о внешнем виде академических институтов: современный дизайн – сталь, стекло, бетон либо роскошный дворянский или купеческий особняк с куда более внушительными размерами и изысканной архитектурой. Но при дальнейшем знакомстве с институтским зданием первое неблагоприятное впечатление о нем быстро развеялось. Внутри оно оказалось вполне просторным: там имелись достаточно большой зал заседаний, прекрасно укомплектованная научная библиотека с читальней и размещавшемся в подвале хорошо вентилируемым книгохранилищем. Сотрудники института в присутственные дни имели возможность знакомиться с общественной прессой и научной периодикой славянских социалистических стран и быстро доставляемыми оттуда книжными научными новинками. Все научные секторы и центры имели свою, хоть иногда и маленькую, но отдельную комнату, а большинство их заведующих – крошечный

отдельный кабинет. Самым просторным, как и полагается, был директорский кабинет с секретарской комнаткой в предбаннике и примыкавшим к кабинету закутком для отдыха с раковиной для мытья рук и узким топчаном для послеобеденного сна.

После поступления в аспирантуру наступил черед знакомства с сотрудниками сектора литературоведения, к которому я был прикреплен. Он собирался на втором этаже здания в сравнительно большой комнате площадью около 35 кв. м с полутора десятками столов и множеством стульев. Всем обычно хватало места, особенно когда начиналось застолье по случаю очередного дня рождения сотрудника сектора или другого праздника. Тогда столы и стулья сдвигались вместе, на столах появлялись домашние разносолы и веселящие напитки, и затем открывалось дружеское «заседание» с многочисленными тостами, шутками, прибаутками и неизбежным взаимными «подкалываниями». Само институтское здание обладало некоей позитивной аурой, возможно, унаследованной им от бывших дореволюционных хозяев. Оно настраивало на домашний человеческий лад, чуждый традиционному официозу государственных учреждений. На праздники ученые и аспиранты устраивали веселые капустники со стихами, частушками и театрализованным «лицедейством», в будни же мы могли снять интеллектуальное напряжение, обсуждая научные проблемы во время партии в шахматы или настольный теннис, стол для которого устанавливался в институтском холле.

В целом настрой сотрудников отличался тогда большим оптимизмом, который подкреплялся высоким социальным статусом ученых в обществе и материальным вознаграждением за работу. Старший научный сотрудник в те «золотые» для науки ушедшие времена получал вдвое больше старшего инженера, а зарплата доктора наук, заведомо равнялась зарплате министра. Ученых часто отправляли за рубеж в научные командировки, а попасть за границу в 60-е – 80-е гг. XX в. советским людям было нелегко – в основном только по туристическим путевкам, которых было немного, и распределялись они по государственным предприятиям и учреждениям. Ученым выдавали синие заграничные служебные паспорта, чей статус был значительно выше статуса бордовых паспортов туристических. Не представляло большого труда для ученых и аспирантов получить в Институте и оплачиваемую внутрисоюзную научную командировку. Этой возможностью часто пользовались не только историки, этнографы и фольклористы, но и лингвисты, литературоведы и искусствоведы. Было и много чего другого, что свидетельствовало о привилегированном положении ученых в советском обществе того времени – положении, которое должно быть восстановлено, конечно, если Россия намеревается выжить как независимое суверенное государство.

Литературоведческая институтская команда была тогда довольно многочисленной и насчитывала свыше двух с половиной десятков сотрудников. При этом в ней наблюдалось сравнительно «нормальное» соотношение мужской и женской составляющих:

приблизительно одна треть представителей сильного пола и две трети слабого. Известно ведь, что при превышении женщинами трех четвертей членов коллектива его начинает лихорадить. В команде литературоведов, помимо Сергея Васильевича Никольского, в то время работали полонисты Иван Константинович Горский (1921-2011), Борис Федорович Стахеев (1924-1993), Виктор Александрович Хорев (1932-2012) и Александр Владимирович Липатов (р.1937); богемист (и словакист) Лев Сергеевич Кишкин (1918-2000) и словакист Юрий Васильевич Богданов (1932-2010). Женскую часть коллектива составляли богемистки Светлана Александровна Шерлаимова (1927-2019), Анна Петровна Соловьева (1923-2012) и Людмила Норайровна Будагова (1932-2022), специалисты по литературам южных славян Галина Яковлевна Ильина (1930-2018), Регина Фридриховна Доронина (1924-2019) и Юлия Дмитриевна Беляева (1927-2020); полонистки Вивиана Владимировна Витт (1927-1983), Дина Серафимовна Прокофьева (р.1931), Наталья Андреевна Богомолова (р. 1935), Тамара Петровна Агапкина (1925-2015); словенистки Майя Ильинична Рыжова (1927-2017) и Евгения Ивановна Рябова (1925-1976); болгаристка Нина Николаевна Пономарева (р. 1928) и специалист по греческой литературе София Борисовна Ильинская (р. 1938). Позднее кандидатскую диссертацию по румынской литературе защитила Нурия Семиулловна Осипова (р. 1957), долгие годы проработавшая ученым секретарем сектора. Позже в секторе также появились две новые полонистки: в 1973 г. Виктория Валентиновна

Мочалова (р. 1945) и в 1984 г. Ольга Рахмиловна Медведева (Ляпатухина). В 1978 г. коллектив сектора увеличился за счет болгаристики Марины Геннадиевны Смольяниновой (Чемодановой) (р. 1937), а через десять лет после этого – словакистки Натальи Васильевны Шведовой (р. 1959) и сербистки Лидии Константиновны Гаврюшиной (1956–2020). В год моего поступления в аспирантуру на базе сектора литературоведов была создана возглавляемая С.А. Шерлаимовой группа современных литератур европейских социалистических стран, в которую вошли В.А. Хорев, Ю.В. Богданов и Н.Н. Пономарева. Затем число ее работников увеличилось благодаря появлению в ней новых научных сотрудников, и в дальнейшем она была преобразована в отдельный сектор. Но об этой группе я говорить не стану, потому что на нее не распространялись руководящие полномочия Сергея Васильевича.

Управляться со сравнительно большим коллективом было непросто, но Сергей Васильевич был талантливым руководителем и воспитателем, умело взращивавшим исследовательские таланты своих аспирантов и молодых ученых сектора. Он являлся одним из старейших сотрудников Института, начав работать в нем в 1948 г., т.е. на следующий год после создания этого академического учреждения. В том же году он защитил кандидатскую диссертацию и вслед за Н.И. Кравцовым (1906–1980) стал одним из первых институтских «остепененных» литературоведов. Это придавало ему уверенность своеобразного дуайена, тем более что он мог опираться и на авторитет появившихся в Институте несколькими

годами позднее полониста И.К. Горского и богемистки А.П. Соловьевой. Иван Константинович Горский был фронтовиком-инвалидом, в результате полученных ранений у него не только пострадали ноги, но и начало быстро ухудшаться зрение. Однако он мужественно сражался со своими недугами и защитил не только кандидатскую, но и докторскую диссертации. При всем этом он был справедливым человеком, и к его мнению сотрудники сектора всегда прислушивались. А Анна Петровна Соловьева занималась той же областью славянской филологии, что и Сергей Васильевич, жила с ним по соседству, обладала большой добротой души, мягкостью, женственностью и домашностью. Ах, какие вкусные пирожки она приносила из дома на наши застолья! Одновременно она, хотя и писала относительно мало, несомненно, была неплохим литературоведом. Недаром ее воспитанницей стала Л.Н. Будагова, которая после Сергея Васильевича на протяжении многих десятилетий возглавляла руководимый ранее им коллектив.

Но одной опоры на верных помощников для успешного руководства сектором было бы явно недостаточно. Сергей Васильевич и сам обладал харизмой руководителя и личности, которая вызывала почтение к нему у тех, кто с ним сталкивался. Я помню, каким воспринял его при первой нашей встрече в Институте: типичный профессор — небольшого росточка, с огромной розовой лысиной, обрамленной куцым венчиком седых волос сзади и по бокам, глаза казались огромными из-за невероятных диоптрий

очковых линз, причем линзы составные – верхняя бóльшая часть для зрения вдаль, нижняя маленькая для чтения, и это нарушало форму глаз при взгляде на них собеседника: то ли два глаза у их обладателя, то ли четыре. Большая голова, прямой корпус и короткие крепкие ноги. Одним словом – типичный «мультишный» профессор. Но вот он заговорил, широко и искренне улыбнулся и сразу сделался совсем другим. Его глухой голос излучал некий магнетизм, притягивающий внимание слушателя, на щеках при улыбке обозначались глубокие ямочки, и сам он становился настолько обаятельным, что все сразу же забывали и о невероятных линзах, и обо всем прочем, что бросилось в глаза при первом зрительном с ним контакте. Невольно возникала мысль, что такой мужчина, пожалуй, не останется без успеха у женщин, несмотря на отсутствие у него атлетического телосложения и открыточной красоты.

Особо хочется остановиться на одном из ценных человеческих качеств Сергея Васильевича – его неизменной доброжелательности. В нем чувствовалась готовность пойти человеку навстречу, ободрить его в горести и предложить посильную помощь. Последнее, правда, не касалось материальной стороны дела: было бы преувеличением назвать его щедрым – на деньги он был скуповат. Что же касается остального, то здесь Сергей Васильевич был безупречным. Он, например, никогда не отказывал сотрудникам в просмотре и попутном редактировании их научных работ, даже если это и не входило в его непосредственные

обязанности. Он делал это азартно, испытывая удовольствие от устранения смысловых и стилистических погрешностей текста и от того, что тот становился более совершенным и, следовательно, более доступным для понимания читателя и более ценным для славистики в целом. В этом плане Сергей Васильевич почти достигал вершин редакторской виртуозности Бориса Федоровича Стахеева, у которого, однако, любовь к редактированию сочеталась с нелюбовью к созданию собственных авторских текстов. В отличие от него Сергей Васильевич в этом смысле был «дволюбцем»: его авторские тексты отличалась научной глубиной и прекрасным литературоведческим слогом, а любовно редактируемые им чужие тексты под воздействием этого чувства преобразовались, приобретая смысловую и стилистическую завершенность.

Именно об этих научных достоинствах и человеческих качествах Сергея Васильевича мне хотелось напомнить в год его 100-летнего юбилея.